

Глава 1

Масштабные ошибки

В течение десятилетия после развала СССР специалисты придерживались сложившегося у них взгляда на реформы в России: если старая система, приводившая к негативным результатам, теперь изменена, то новая система в будущем даст желаемые позитивные результаты. К сожалению, для того чтобы новая система заработала, страны, ставшие на курс перемен, должны не только демонтировать старую систему, но и создать на ее месте новую. Им придется долгое время устранять последствия деятельности старой системы. Применительно к России, этот временной отрезок был особенно продолжительным. Функционирование в течение семидесяти с лишним лет советской плановой экономики комплексно повлияло на российскую историю, общество и политическую культуру.

Одним из результатов является своеобразная и уникальная экономическая география, по-прежнему остающаяся характерной чертой России и заставляющая ее идти совершенно не в ногу с требованиями рыночной системы, независимо от преобразований. Сегодня, несмотря на упразднение централизованного планирования, система размещения трудовых ресурсов и капитала на территории России все еще остается нерыночной. Люди и предприятия страдают от их нерационального размещения, осуществленного Госпланом СССР без учета действия рыночных сил. На такой основе Россия не сможет построить ни конкурентную рыночную экономику, ни нормальное демократическое общество.

Советская система ярко проявила свою специфику в освоении Сибири. В данном случае свобода рынка была осознанно проигнорирована и извращена. Ее подменили системой ГУЛАГа в целях покорения и индустриализации бескрайних сибирских просторов. Начиная с 30-х годов прошлого века рабский труд заключенных стал использоваться при строительстве фабрик и городов и при создании промышленности в одном из самых суровых и неприступных регионов планеты, куда государство могло отправить своих граждан в массовом порядке, и тем более удерживать их там на постоянной основе, только при помощи принуждения. О переброске в Сибирь предприятий тяжелой промышленности в период Великой Отечественной войны будет сказано особо. В 1960-х и 1970-х годах руководство в Москве приняло решение запустить гигантские промышленные проекты в Сибири. Плановики задумали образовать

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

стационарные фонды рабочей силы, чтобы использовать богатые природные ресурсы региона, более равномерно распределить промышленность и население на территории РСФСР, освоить и заселить бескрайние и удаленные пустынные регионы Сибири. На этот раз привлечь в Сибирь старались высокими заработками и другими льготами – уже не принуждением и порабощением, с большими (но замалчиваемыми) издержками для государства. Сегодняшняя Сибирь – олицетворение экономического наследия ГУЛАГа и советского планирования.

Благодаря индустриализации и массовому заселению Сибири, к началу XXI столетия и новой эры экономического и политического развития население России оказалось разбросанным на бескрайних просторах по административным центрам и городам с малой степенью развития инфраструктуры между ними. Неадекватные автомобильные, железнодорожные и другие средства связи стали помехой развитию межрегиональной торговли и рынков. Треть населения страдает от дополнительных трудностей, связанных с проживанием и работой в чрезвычайно суровых климатических условиях. Каждый десятый живет и работает в холодных крупных городах Сибири – местах, где средняя январская температура колеблется в амплитуде от -15 до -45°C .

Из-за своего местоположения эти города (так и происходило в советский период) в значительной степени зависят от субсидий центрального правительства на топливо и питание. Зависят они и от льготных транспортных тарифов. Стоимость жизни там в четыре раза выше, чем в европейской части России, а издержки промышленного производства еще выше. Города и их жители отрезаны от отечественного и мирового рынков. Прежняя система централизованного планирования привела к тому, что Россия в большей степени обременена проблемами и расходами, связанными с размером ее территории и холодом, чем любые другие крупные государства, и в том числе расположенные в северных широтах – Канада, США или скандинавские страны.

С точки зрения современных приоритетов рыночной экономики, ретроспектива российской истории показывает, что превалирующей характерной чертой советского периода было *нерациональное распределение ресурсов*. Ресурсы (в том числе и ресурсы рабочей силы) с точки зрения экономической эффективности использовались неправильно. Система выдавала не те изделия. Ее предприятия изготавливали их не так, как это следовало бы делать. Она обучала людей не тем навыкам. Хуже всего было то, что Госплан размещал предприятия и людей не в тех местах. Для страны с такой обширной территорией, особенно в отдаленных и холодных местах,

размещение имеет огромное значение. Россия более семидесяти лет страдала не только из-за централизованного планирования, но еще и из-за того, что большие размеры ее земель при системе нерационального размещения ресурсов открывали простор для совершения беспрецедентных по своим масштабам, поистине великих ошибок. Совершись Октябрьская революция вместо России в стране небольшой и компактной – такой как, скажем, Япония – ущерб не был бы столь значительным. Хотя централизованное планирование и деформировало бы экономику, но не настолько сильно в отношении размещения. В России Сибирь предоставила большой простор для ошибок. Административные центры и города разрастались до огромных размеров там, где этого никогда бы не произошло, действующий там законы свободного рынка.

Большевики унаследовали Сибирь и остальные бескрайние российские земли от монархии. Именно цари превратили Россию в крупнейшую страну мира – статус, определяемый ее физической географией, – с национальным самосознанием, уходящим корнями в идею территориальной экспансии и размера («собрание земель Русских»). И именно цари первыми стали ссылать людей в Сибирь и способствовать зарождению городов на дальних рубежах государства для установления и укрепления суверенитета России. Однако именно большевики, а не цари, сформировали современную российскую экономическую географию. Там, в Сибири, где при монархии строились крепости, селения и небольшие города, советская власть стала создавать города-гиганты с численностью жителей свыше миллиона человек. В то время как монархия ссылала в Сибирь тысячами, большевики использовали уже миллионы заключенных исправительно-трудовых лагерей для строительства заводов, шахт, железных дорог и городов. Царизм оставил в наследство огромный пласт самой холодной в мире территории. Большевики при его освоении предпочли проигнорировать как законы природы, так и рыночные законы. Советское планирование оставило в наследство современной России сильно деформированную экономическую географию. Огромная доля этого наследства (города, предприятия и люди) затеряна на просторах холодной Сибири. Это слишком «дорогой» подарок, которым непросто как распорядиться, так и адаптировать его к рынку.

В этой книге экономическая статистика, экономическая география и история используются для отображения того, в каких условиях живут и работают россияне – в неподходящих для жизни и работы отдаленных и холодных регионах, а также для того, чтобы рассмотреть последствия этого феномена для современной российской экономики. Критически анализируя историю территориаль-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ного расширения России, покорения и освоения Сибири, книга в сжатой форме рассказывает, когда и каким образом произошло это неэффективное размещение ресурсов. Она поясняет, почему с помощью одних только рыночных механизмов оказалось невозможно исправить экономические диспропорции в 1990-х годах. Говорится также и о том, почему эти диспропорции, судя по всему, сохраняются и в ближайшем будущем – имея в виду наличие во всех эшелонах российского правительства желания вновь осваивать и заселять Сибирь и тот факт, что размеры России и идеи покорения суровой природы продолжают оставаться решающим фактором в современном государстве. Наконец, книга рассматривает способы, которые российское правительство могло бы взять на вооружение в своей деятельности по устранению некоторых диспропорций, проведя при этом переоценку взаимосвязей экономики России с ее территорией и, в частности, с Сибирью.

Последний момент особенно важен. Масштаб неэффективного размещения предприятий и использования территориальных ресурсов был настолько велик и практика такого размещения продолжалась столь долго, что оно стало, по сути, частью российского облика. Основной характеристикой России продолжает оставаться размер ее территории. Несмотря на все пертурбации, включая и потерю территорий, входивших в Советский Союз и Российскую империю, Россия продолжает оставаться самой большой страной в мире. Несоответствие между размером и экономическим потенциалом продолжает привлекать к себе внимание как крупнейших российских экономистов, так и зарубежных исследователей. Возьмем, к примеру, заявление Андрея Илларионова, бывшего советника президента Путина по экономике, во время рассмотрения в декабре 2002 года вопросов, связанных с текущими экономическими трудностями и перспективами роста:

«Сегодня Россия выглядит на карте мира следующим образом: она занимает 11,5 процента территории суши, на ее долю приходится 2,32 процента населения земли, и ее доля во всемирном ВВП составляет 1,79 процента по паритету покупательной способности и 1,1 процента по рыночным валютным курсам. Из этого следует неизбежный вывод: история человечества не знает прецедентов такого большого расхождения между «территориальной мощью» и экономической «незначительностью», которая сохранялась бы на протяжении такого значительного промежутка времени»¹.

В данной книге мы доказываем, что попытка увязки ВВП с территорией – это совершенно *неправильный* взгляд на Россию и ее экономическое развитие. Наоборот, в первую очередь следует вспомнить о том, что *масштабность* экономики определяется не

Глава 1. Масштабные ошибки

территориальным размером или запасами сырьевых ресурсов, и даже не объемами производства. Масштабность экономики определяется *качеством* продукции, мерилом которого является *добавочная стоимость*. Сегодня *масштабные* экономики являются таковыми по числу совершенных сделок. Со времен Адама Смита известно, что темп создания стоимости зависит от степени специализации экономики и интенсивности и диверсификации обмена в ней. В этом контексте экономика России является крупной, но только если измерять ее величину количеством заводов, машин и физическим объемом других исходных элементов производства. Поэтому главной проблемой российской экономики является максимально эффективное использование этих элементов с целью максимизации стоимости конечного продукта. Для достижения этой цели России не стоит увязывать свои людские ресурсы, покупательную способность, ВВП или иные экономические показатели со *всей* занимаемой ею территорией, а следует рационально сконцентрировать людей и ресурсы в пределах этой территории.

Для того чтобы стать конкурентоспособной и добиться устойчивого роста экономики, *России необходимо «сжаться»* – не в смысле *уменьшения территориальных параметров (физико-географические пределы)*, а в смысле *рационального уменьшения экономико-географических пределов*. Большой размер территории – серьезная помеха для развития, если не будут сокращены расстояния и расширены связи между населенными центрами и рынками. Устойчивой тенденцией в других крупных странах на протяжении всей их истории являлось сокращение расстояний и расширение связей. Под воздействием рыночных сил США, Австралия и Канада, например, сконцентрировали свое население в пределах собственных обширных территорий и наладили связи между их частями в значительно большей степени, чем Россия. Это дало им явные преимущества в плане экономической эффективности и управляемости.

Одной из самых трудновыполнимых задач сегодняшней России является усиление связанности экономики, которая велика по объему и крайне неэффективно развита. Это дорогостоящая задача, и ее, вероятно, не решить, если усиление связанности будет происходить без изменения современных экономико-географических параметров. Реорганизация взаимосвязей в российской экономике – вопрос не только восстановления и модернизации существующих систем автодорог, воздушного транспорта и железных дорог или создания новой инфраструктуры и новых средств коммуникации. Такой подход лишь улучшил бы связи между существующими административными центрами, городами и предприятиями, особенно в Сибири, то есть между теми образованиями, которых там, где их

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ранее разместили, вообще не должно было быть. Новая инфраструктура ценой огромных затрат сделала бы эти места более пригодными для жизни там, где с точки зрения экономической целесообразности жителей должно быть меньше. Поэтому российскому руководству и населению следовало бы, не упустив возможность, взвесить и учесть эту оптимальную альтернативу.

Вывод анализа таков: если России «сжаться» – в смысле свертывания ее экономико-географических параметров, сконцентрировать ее население и, в конце концов, создать хорошо интегрированную экономику, – то ключевым фактором будущего станет *мобильность*. Для современных экономик характерна мобильность факторов производства: мир становится более мобильным, так как люди ищут для себя и своих семей новые и лучшие возможности. Россияне сегодня нуждаются в перемещении в более теплые, более благоприятные регионы, поближе к рынкам и подальше от холодных отдаленных городов, размещенных в Сибири посредством инструментов ГУЛАГа и советского планирования. К несчастью, господствующей тенденцией в российской имперской и советской истории было насильственное и управляемое перемещение населения. Хотя сегодня право свободного перемещения и провозглашается российской конституцией, россияне еще не совсем свободны в своем перемещении туда, где они хотели бы жить и работать. Ограничения по проживанию в таких городах, как Москва, нехватка ресурсов, недостаточное развитие рынков труда и жилья, а также отсутствие сети социального обеспечения – все это работало против личной мобильности, хотя государство и предпринимает попытки направлять целевые инвестиции в избранные им города и районы. Обеспечение мобильности, а не простое изменение системы – вот что может стать одним из основных вызовов России в грядущие десятилетия.